

# ДРУГОЙ ВЗГЛЯД

*Дата создания 07.11.2004 автор Вахненко Елена В.*

## Г Л А В А 1 . «Черный котенок»

Она задумчиво разглядывала свое отражение в зеркале, подмечая какие-то мелкие недостатки.

Пышная шапка коротких иссиня-черных волос... Белая, словно припудренная серебром кожа... Круглое лицо... Выразительные темные глаза... Полные губы... В целом, неплохо, если не всматриваться внимательнее.

Она сидела на пуфике у огромного зеркала, а туалетный столик, расположенный рядом, был заставлен разнообразными дамскими мелочами. Бесподобный черный с золотом пеньюар распахнулся на груди, и девушка небрежным жестом поправила непослушную скользкую ткань.

-Котенок! – раздался откуда-то снизу недовольный мужской голос.

Девушка поморщилась и подняла взгляд на висящие на стене часы. Пол-одиннадцатого. Странно, еще достаточно рано, обычно она спускается около одиннадцати. Да и вообще, почему он дома?

Вздохнув, девушка скинула пеньюар, оставшись лишь в роскошном дорогом белье, и, нисколько не смущаясь, прошла по комнате. Распахнув дверцы огромного шкафа, придирчиво оглядела свой разнообразный гардероб, в конце концов, остановив выбор на открытом черно-красном наряде – ей очень шло это «роковое» сочетание цветов. Остались последние штрихи... Провести щеткой по волосам, поддурманить лицо, чтобы не казалось слишком бледным, коснуться точек пульса капелькой фирменных духов...

-Черный Котенок! – вновь взорвался ставший откровенно сердитым голос.

Уже почти всё... Осталось просто поправить заветный амулет в виде черной кошки с ярко горящими хрустальными глазами. Котенок был изготовлен из какого-то гладкого черного камня и висел на тонкой золотой цепочке.

«Зачем ты носишь эту безделицу? – недоуменно и чуть презрительно спросил ее как-то Сергей. – Ее цена – пару гривен в лучшем случае. Давай я тебе куплю что-нибудь действительно стоящее».

Ага... Нечто эксклюзивное, ручной работы, с виду страшноватое, но о-о-очень МОДНОЕ. Ты так любишь это слово, Сережа...

«Это мой оберег, - туманно пояснила она тогда. – Он приносит удачу».

Сергей хмуро взглянул на нее, однако промолчал. Лишь пожал плечами и сказал, что отныне станет называть ее Черным Котенком. «Ну, и пусть, - мысленно пожимала она плечами, вспоминая тот диалог. – Какая разница? Все равно он не знает моего настоящего имени. Да и я тоже...»

-Да спустишься ты сегодня или нет?! – окончательно разозлился Сергей.

Она усмехнулась и окинула свое отражение придирчивым взглядом. Хорошо. Именно как он любит: МОДНО и ДОРОГО. Хотя и несколько глупо. Пора спускаться. Иначе Сергея хватит удар.

Х Х Х

Он мерил шагами обширный холл, иногда бросая сердитый взгляд в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

Ну, сколько можно собираться?! Они опаздывают! И как женщины умудряются по три часа тратить у зеркала? Любой, даже самый уравновешенный, мужчина, выйдет из себя, дожидаясь, пока Черный Котенок соизволит закончить утренний туалет, и наконец-то почтит его своим присутствием!

-Зачем я терплю ее почти полгода? – недовольно бурчал он, поглядывая на лестницу. – Да и примелькалась уже девчонка, обычно у меня никто дольше трех месяцев не задерживается...

-Сергей... Я здесь... – прервал его раздумья низкий хриловатый голос.

Сергей сделал глубокий вдох, попытался придать лицу относительно мирное выражение и только тогда обернулся.

Она медленно спускалась по лестнице, рука скользила по перилам, а на губах таяла усталая улыбка.

Такое впечатление, что он ее среди ночи на ноги поднял!

-Доброе утро, детка, - процедил Сергей сквозь зубы.

Вроде бы ничего особенного. Волосы короткие, небрежно взлохмаченные (наверняка по последней моде), лицо немного сонное... Изящная фигура, в разрезе длинной юбки мелькают стройные колени... Таких девушек тысячи.

Правда, есть в ней что-то им недопонятое. И смотрит порою так насмешливо, снисходительно, словно говорит: и что ты понимаешь в жизни? Возможно, именно это и влечет его. Влечет, и злит, и пугает, и завораживает. Не может он расстаться с ней, пока не разгадает ее тайну, не может. Ведь что он, по сути, знает о девушке, которую шутливо называет Черным Котенком? Ни настоящего имени (прозвище Блэккет – не в счет), ни точного возраста, ни даже родственников ее или друзей... Знает лишь, что она моложе его лет на пятнадцать...

-Доброе утро, - проговорила она и, приблизившись к Сергею, положила руки ему на плечи, коснулась губами его губ. Безо всякой страсти, скорее чуть отстраненно, равнодушно. И подобное безразличие окончательно обозлило его.

-Мы опаздываем! – заметил он, пытаюсь говорить как можно спокойнее. Девушка склонила голову набок и принялась разглядывать свои идеальные ногти, форму которым придавали в лучших салонах красоты.

-Куда мы идем? – наконец рассеянно поинтересовалась она, не поднимая глаз. Так, будто со стенкой разговаривает...

-А ты забыла? – он покраснел от злости. Ведь только вчера напоминал ей! Такое впечатление, что она удерживает в памяти лишь те события, которые касаются ее непосредственно.

-Да, я забыла, - отозвалась девушка, подняв на него холодно-равнодушный взгляд и чуть пожимая плечами: мол, ты чересчур многого требуешь от меня...

Сергей скрипнул зубами от досады. Боже мой, где это видано? Он богат, еще совсем не стар, да и внешне вполне привлекателен... С такими достоинствами он может найти себе куда более красивую девчонку, которая станет признаваться ему в любви трижды в сутки.

Впрочем, раньше он именно с такими девушками и встречался. И только последние полгода терпит возле себя строптивую загадочную особу, чьи мысли постоянно витают в сферах, видимо его, Сергея, пониманию, недоступных...

-Пошли, - буркнул он, резко схватив ее за локоть. Девушка мгновенно выхватила руку из цепких пальцев Сергея, и смерила его возмущенным взглядом.

-Мне больно! – заявила она и, гордо вздернув подбородок, проследовала к выходу. Сергей в бессильной ярости глядел ей вслед. Еще немного – и он все-таки найдет девушку поговорчивее. Хотя такие обещания он давал себе на каждой неделе...

Х Х Х

Солнечные лучи пробивались сквозь тонкие прозрачные занавески, мягко озаряя спальню - довольно просторную комнату, большую часть которой занимала огромная кровать.

Черный Котенок лежала под скользким, неудобным, однако жутко дорогим одеялом, задумчиво разглядывая сладко посапывающего рядом Сергея.

Сколько ему лет? Около 40, наверно. Высокий, статный, хотя фигура уже не очень-то спортивная... Волосы темные с проседью, лицо, пожалуй, казалось бы вполне красивым, будь его выражение чуть мягче. А так – застывшая маска вечной готовности напасть, отобрать, схватить...

Сергей забормотал что-то во сне, зашевелился. Девушка с трудом подавила вздох. Как хорошо было бы не видеть его вовсе или, по крайней мере, не разговаривать с ним. Так ведь нет, сейчас проснется...

Он действительно проснулся минут через пять. Потянулся, сонно поглядел по сторонам и, заметив Черного Котенка, обнял ее. Почти нежно обнял. Такую слабость Сергей позволял себе только в редкие утренние минуты, еще не вполне пробудившись ото сна. Во все остальное время он был грубоватым и резким.

Поцеловав девушку в заветную точку под левым ухом, Сергей протянул:

-Доброе утро, Солнце... Хорошая ночь была...

-Хорошая, - рассеянно согласилась она, глядя куда-то в сторону окна и улыбаясь своим мыслям. Он с подозрением взглянул на нее, почувствовав неладное. Наверняка она имеет в виду что-то свое, с ним не связанное... Ну и пусть.

Он уткнулся лицом в ее волосы, сладко вздохнул:

-От тебя так приятно пахнет... Какие стойкие духи. Или это твой естественный запах?

Она хмыкнула, пожимая плечами.

-Ты ведьма, - пробормотал Сергей, продолжая вдыхать сладковатый, с едва заметной ноткой горечи, аромат ее волос.

-Нет, - все так же задумчиво, словно себе самой, возразила она. – Я кошка. Черная кошка.

-Угу, - согласился он с мечтательной улыбкой, вновь вспоминая прошедшую ночь. – Даже скорее пантера.

-Прекрати, - она села в постели и, уткнувшись подбородком в колени, замолчала, погружившись в какие-то свои раздумья. Сергей, откинувшись на мягкие подушки, рассеянно наблюдал за ней. Сейчас, в утреннем прозрачном свете, сонная, без косметики,

с еще более растрепанными волосами, она казалась совсем юной и такой беззащитной... Хотелось обнять, приласкать ее... Нельзя. Нельзя демонстрировать свою слабость. Он и так слишком зависит от этой загадочной девушки, хотя и сам не понимает, почему.

Она вздохнула, откинулась на подушки и, сладко потянувшись, перевернулась на живот. Пару минут задумчиво рассматривала Сергея, и взгляд у нее при этом был сосредоточенно-изучающий, немного настороженный. Сергею сделалось не по себе.

-Что случилось? – недовольно осведомился он. Не так уж приятно быть объектом столь пристального внимания.

Черный Котенок тряхнула головой, словно отгоняя наваждение, и спокойно ответила:

-Ничего. Все в порядке, - она протянула руку и поправила прядь волос, упавшую ему на глаза. Уткнувшись лицом в его плечо, девушка рассеянно спросила: - Скажи, тебе когда-нибудь снились цветные сны? Яркие, живые...

-В детстве, - хмыкнул он. – А что?

-А мне и сейчас снятся, - тихо проговорила она.

Сергей недоуменно пожал плечами.

-Ну, сны – это так, иллюзия, - убежденно проговорил он. – Надо думать о настоящей жизни.

-А если нет настоящей жизни? Если они для меня – больше чем реальность? – хмуро осведомилась девушка.

Они замолчали, думая каждый о своем. Сергей размышлял о том, что проследить за ходом мысли женщины необычайно трудно. Как это – нет настоящей жизни? Или, по ее мнению, она живет плохо? Быть такого не может! Состоятельный любовник, светские приемы, дорогие подарки, путешествия в экзотические страны и Европу (не за свой счет, понятное дело!) — это что, не жизнь? А что тогда жизнь, позвольте спросить?!

А Черный Котенок, закрыв глаза, вспоминала...

Каждый раз, когда ей снился очередной яркий сон, она принималась тщательно восстанавливать в памяти его малейшие детали, чтобы потом, в минуты грусти, ускользнуть в тот объемный цветной мир. Настоящий мир. Единственно реальный для нее. Она живет в нем параллельно с **этим** миром, а может быть, жила когда-то, а теперь просто вспоминает... Какая разница? Там она – настоящая. Там она ПОМНИТ. Чувствует. Любит...

Вздохнув, девушка покосилась на Сергея. Что ж, контраст действительно силен. Здесь она вынуждена терпеть нудного грубоватого мужчину, вообразившего, что он купил ее, и теперь за свои деньги может позволить себе все. Впрочем, никто ее не держит. Она может уйти хоть сегодня. Только почему-то не уходит...

## Г Л А В А 2 . «Агата»

Душная жара окутала мир, и даже воздух стал как будто гуще. Солнце невыносимо слепило глаза, а небо приобрело редкий сине-фиолетовый оттенок.

По узкой тропинке неспешно шла молодая женщина, рассеянно поглядывая по сторонам и не обращая внимания ни на сочные гроздья ягод, ни на яркие цветы, ни даже на длинноногих красноперых птиц, важно вышагивающим между клумб. Все это она видела с раннего детства.

Незнакомка могла, несомненно, считаться достаточно привлекательной: высокий открытый лоб, темно-вишневые полные губы, широко расставленные глаза янтарного оттенка, собранная в тяжелый узел копна вьющихся черных волос, темно-золотая бархатная кожа... и столь же совершенное тело, отчасти скрытое длинной юбкой из кожи тонкой выделки и коротким топом. В ушах покачивались тяжелые подвески, почти на каждом пальце поблескивало кольцо, а вокруг шеи была намотана нить бус... И даже запястья украшали браслеты.

Впереди этой красивой, хоть и несколько экзотичной, женщины быстро шла смуглолицая девочка, изредка оглядываясь и замедляя шаг, и беспрерывно лопотала что-то на незнакомом языке.

X X X

Как невыносимо болит голова...

Газор нервно расхаживал по просторной зале, изредка недовольно поглядывая на ажурную арку. И где, спрашивается, госпожа де Павилионэ? Чем скорее все начнется, тем быстрее приблизится время отъезда.

А уехать хотелось, несмотря на все красоты природы. Ну, и пускай вокруг множество древних деревьев с мощными необъятными стволами и густой листвой, пускай здесь растут редчайшие цветы и водятся птицы небывалых окрасов... Зато от жары болит голова и ломит в висках, а уж смесь разнообразных запахов и вовсе вызывает тошноту. Поэтому скорей бы попасть в привычный климат, на родной материк, туда, где прохладно и пасмурно, и большую часть года идет дождь, а пахнет в основном сыростью... Ну, кто мог предположить, что к подобному климату можно настолько привыкнуть, что, очутившись в райских условиях, затосковать по нему?

Газор бросил взгляд в висящее на стене мутноватое зеркало. Из стеклянной глубины на него хмуро смотрел грубоватый мужчина средних лет с довольно резкими чертами лица. Рыжевато-каштановые волосы превратились в колтун, бороде пора бы придать форму... да и одежда поизносилась. А ведь не так уж давно он считал себя вполне элегантным и аккуратным. Да, многое изменилось в его жизни за последние несколько недель. Ощувив на себе чей-то взгляд, Газор порывисто обернулся. В нескольких шагах от него стояла миловидная девушка, разглядывающая его с откровенной насмешкой, и в тоже время – удивлением. Из-за ее плеча выглядывала любопытная девочка лет десяти.

-Добрый день, - тщательно подбирая слова, проговорил Газор. Язык таусити он знал неплохо, но в любом случае строить фразы и предложения было не так уж просто. – Вы – Агата де Павилионэ?

-Да, это я.

Речь девушки, к счастью, была четкой и неторопливой, в отличие от ее прислужницы, которая говорила, глотая окончания слов. Он по-настоящему замучился, пока сумел изъясниться с ней...

Агата холодно улыбнулась:

-У Вас есть ко мне какое-то дело?

Газор замялся. Он сотню раз продумывал свою речь, прокручивал ее в воображении, а вот теперь растерялся. Если честно, он как-то не ожидал, что Агата еще очень молодая женщина. Ему сказали, что это вдова барона де Павилионэ, его дяди, которого он, если честно, никогда и не видел... Знал только, что тот в свое время бежал на сей благословенный остров, прихватив с собой вверенный ему Венец. И Газор отчего-то был уверен, что сама Агата – дама в летах.

-Я приехал издалека, - наконец начал он. – Я – ближайший друг и соратник Герберта Суэльского...

-Потом, - Агата остановила его легким взмахом руки. – Сначала Вам покажут Ваши покои. Отдохните, в самое ближайшее время мои слуги принесут Вам горячей воды, и чуть позднее – обед. После поговорим.

Что ж, он действительно устал и здорово проголодался. А за время этой короткой передышки он, быть может, сумеет собраться с мыслями...

Х Х Х

Комнату Газору предоставили неплохую. Ничем не хуже покоев, которые он занимал в особняке Герберта Суэльского: просторную, с большими окнами, из которых хорошо просматривался сад, с кроватью, гардеробной и золоченым умывальником.

Газор только-только немного обустроился (скинул грязный жилет и пыльные сапоги, забросил под кровать походной мешок), когда вошел темнокожий слуга. Поклонившись, он подал гостю гребень и какую-то одежду, а около умывальника поставил тазик с теплой водой. Газор с наслаждением принялся приводить себя в порядок, и к тому моменту, когда принесли обед, уже мог без содрогания смотреться в зеркало. К еде он приступил с опаской, хотя и проголодался изрядно. По вкусу яства были вроде бы и неплохие, только вот несколько непривычные. Дольше всего Газор раздумывал над мясом (чье оно, кто знает?), однако, в конце концов, съел все, что принесли.

С Агатой он встретился ближе к вечеру в саду, в те волшебные несколько часов, когда остров уже объяла таинственная полутьма, и все вокруг погрузилось в призрачный мир сумерек.

Агата накинула на плечи газовую ткань, а волосы распустила, и теперь их слабо тербил теплый ветер, вовсе не приносящий прохлады – скорее, он лишь еще сильнее смешивал разнообразные запахи.

-Итак, Вам нужен Венец, - наконец заговорила Агата, и голос ее звучал глухо, с какой-то затаенной усталостью.

Газор искоса взглянул на свою спутницу. Она шла, опустив голову и, казалось, что-то внимательно рассматривала в густой траве.

-Да, Вы правы, - вынужден был признать он. – А как Вы догадались?

-А что еще может связывать меня с тем миром? – с грустной усмешкой отозвалась Агата и вновь замолчала. Некоторое время они шли молча, прислушиваясь к звукам подступающей ночи. Через пару минут Газор рискнул снова заговорить:

-Ну и как? Вы пожертвуете Венцом? Он принадлежит нашей стране.

Она остановилась и, вскинув голову, посмотрела на него. Невзирая на сумерки, он различил в ее взгляде насмешку и даже, как ему показалось, смутное торжество.

-Я собиралась отдать Венец Церкви.

Церкви... Он разом пал духом, и даже как будто немного ссутулился, словно держать спину ровно вдруг стало невозможно. Он так и знал, да и Герберт предупреждал... Но все равно против всякой логики он продолжал надеяться. Получается, все зря – и долгий утомительный путь, и мысленно продуманный диалог, все это – лишь бесцельно потраченное время.

-Пару месяцев назад я получила письмо от Церковного Владыки и согласилась с его доводами, - продолжала Агата с едва заметным удовлетворением в голосе. - Буквально на

днях я жду представителей Церкви.

Так значит, она еще не отдала Венец...

-Получается, в данный момент Венец у Вас? – на всякий случай уточнил Газор.

Агата с иронией взглянула на него:

-А что? Хотите выкрасть?

Газор поморщился.

-Нет, конечно, - вяло сказал он, про себя подумав, что неплохо бы. – Но, быть может, Вы еще передумаете... - в его голосе, однако, уверенности не прозвучало.

-Посмотрите на меня! – внезапно потребовала девушка.

Газор, опешив, тем не менее, выполнил приказание. Пару долгих томительных минут Агата пристально вглядывалась в его лицо.

-Жаль, темнеет, плохо видно... - пробормотала она, обращаясь, скорее всего, к самой себе. Потом выпрямилась и с любопытством поинтересовалась: - Но ведь у власти у Вас стоит именно Церковь, так? И Венец, получается, должен принадлежать ей.

-Венец никому не принадлежит, - горячо возразил Газор. - Вернее, его Хранителем являлся барон де Павилионэ, теперь же, после его смерти, новый Хранитель еще не избран. Если Венец достанется Церкви...

-Но ведь это будет справедливо, - живо возразила она.

-Ничего подобного! Власть Церкви давно угнетает простых людей! – в сердцах бросил Газор.

Девушка усмехнулась:

-А Вы полагаете, Ваш друг Герберт принесет народу счастье и благополучие?

Газор на мгновение растерялся.

-Он попробует, - не вполне убежденно проговорил он. – Герберт хороший человек, я знаю его много лет.

-Этого мало, - жестко заметила Агата. – Мало быть просто хорошим человеком.

-Значит, не дадите... - хмуро заключил Газор, не став спорить.

Агата ответила не сразу.

-Я устала. Пойдемте спать. Договорим завтра, - и, не потрудившись узнать его мнение на этот счет, она последовала по тропинке к дому.

Газор мрачно поплелся следом. У ступеней, ведущих к массивным дверям, Агата остановилась.

-Скажите, а чем именно Вам не угодила Церковная Власть? – обернувшись, поинтересовалась девушка. – Вы ведь не относитесь к числу простого народа.

Помедлив, Газор пожал плечами и сухо ответил:

-Инквизиция сочла мою бабушку ведьмой.

-Понятно... - Агата смутилась. Помолчав, она продолжила: - А скажите... Вы случайно не родственник барона де Павилионэ?

Газор удивленно вскинул брови:

-Разве я не представился Вам? Да, я – племянник барона. А что? Мы с ним похожи?

Агата как-то странно взглянула на него и неопределенно пожала плечами.

-Ну... в общем, да... Особенно глаза.

Больше она не проронила ни слова.

X X X

Агата ненавидела ночь.

Мягкая постель... Душистый аромат сандорин – любимых цветов, растущих прямо под окном... Убаюкивающий стрекот ночных насекомых... Поднос с легкой закуской у кровати – на случай, если вдруг одолеет голод. А над головой – шнур звонка, чтобы вызывать слуг. И все равно – она ненавидела ночь. Несмотря на богатство, здоровье, молодость и красоту Агата страдала неизлечимым, как ей казалось, недугом – бессонницей. Почему-то именно в ночные часы в голову лезут непрошенные мысли и воспоминания. Наверное, за дневной суетой просто нет свободной минуты подумать, помечтать с отстраненной грустью о том, что могло случиться, но не случилось.

Вот и сейчас Агата сидела, опершись спиной о горку взбитых подушек, разглядывала в распахнутое окно серебристый диск раннего месяца и размышляла.

Барона де Павилионэ она никогда не любила. Впрочем, сначала он ее даже заинтересовал... Высокий, статный, седовласый, вполне импозантный и моложавый мужчина, он показался ей при первой встрече отважным героем. Еще бы, ведь Агата была совсем юной, наивной и жутко романтичной. Это спустя несколько лет она поняла, что барон просто-напросто трусливо бежал от Церковных Властей на свою часть острова, а здесь купил у бедной семьи красавицу-дочь.

У Агаты не было выбора, и девушка стала супругой барона де Павилионэ, однако буквально на следующий день пожалела о содеянном. Для барона она оставалась причудливо говорящей деталью интерьера, а Агата привыкла к другому отношению. Привыкла считать себя умной и интересной, а к собственной привлекательности относилась почти равнодушно. Намного более существенной ей казалась собственная любознательность, широкий круг интересов, занятие прикладным искусством, наконец! По молодости лет девушка решила, что именно за эти достоинства ее и выбрал господин де Павилионэ. Как оказалось, нет. Барон вовсе не собирался беседовать с женой о всемирной истории или восторгаться творчеством юной супруги, ну а любознательность... Для женщины это даже излишне.

Быть может, она и сумела бы привыкнуть к этой своей роли. Да, наверняка, смирилась бы, или даже испытывала что-то вроде гордости – живет в достатке, муж знатен, полно слуг... Но однажды (кажется, где-то через полгода) к ним приехал сын барона.

Агата встретилась с ним за обедом. И в первые мгновения даже обомлела от испуга, смешанного с недоумением: казалось, перед ней стоит лет на 20 помолодевший муж.

«Агата, познакомься с моим сыном Августом» - вдруг показался и сам супруг. Агата ошеломленно кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и все разглядывала Августа.



Высок и строен, как отец. Лицо такое же спокойное, и черты схожи: прямой нос, широкие брови, серые глаза, тяжелый подбородок... Только вот кожа более гладкая, и волосы гуще, каштановые с красноватым отливом.

Все время, что проходил обед, Агата толком ничего не ела, то и дело бросая жадные взгляды на молодого человека. Тот поглощал экзотические блюда с большим аппетитом, все время острил, смеялся... Иногда посматривал в сторону юной мачехи, и в его веселых серых глазах девушка замечала смесь любопытства, досады и злой иронии. За весь вечер он так и не обратился к ней.

А ближе к ночи она услышала часть его беседы с отцом.

«Ты зря волнуешься, Август, - говорил барон. - Ты - мой единственный сын, и тебе достанется основная часть моих владений. Агата после моей смерти тоже бедствовать не будет, однако останется здесь, на острове... Ей будет выделено достаточное содержание»

«Я не понимаю тебя, отец... - раздраженно отозвался Август. - Эта девица моложе меня! Она, конечно, с виду симпатичная, но и только. Пустая, нищая, не владеет элементарными навыками поддержания светской беседы. А как за столом себя ведет? Не может вилку от ножа отличить».

Агата, стоявшая в верхнем пролете мраморной лестницы, задохнулась от возмущения и боли. Вот так... пустая и нищая... А разве она просила, чтобы ее делали богатой?

«Ох, Август, - вздохнул барон. - Ты слишком молод. Понимаешь ли, я давно уже одинок. Мне просто необходима рядом молодая, полная сил, девушка. Она подпитывает меня своей энергией. Да и потом, зачем ей отличать ножи от вилок? Приемов я не устраиваю. А на счет внутренней пустоты... Я, знаешь ли, вовсе не намереваюсь вести с ней философские диспуты»

Больше Агата слушать не могла. По щекам ее текли слезы, размазывая умело нанесенный грим, губы дрожали... Очутившись в собственных покоях, девушка рухнула в кресло и зло прошептала:

«Как я его ненавижу... Август, я ненавижу тебя»

В тот момент она была абсолютно уверена в своей неприязни, и тем неожиданней для нее самой оказался их роман. По прошествии времени Агата в недоумении размышляла, каким образом неприятный вначале человек умудрился стать необходимым и почти родным... Как сумел внушить ей, что любит, что завидует отцу и мечтал бы оказаться на его месте... И как получилось, что законный супруг ничего не узнал об измене молодой жены с его родным сыном!

Агата зажмурилась, пытаясь удержать слезы, и глубоко вдохнула. Понемногу ее отпустило, и она, пожившись, укрылась с головой, уткнувшись лицом в подушку. Ноющая тупая боль потихоньку затихала, но сон все равно не шел. Свернувшись калачиком и покусывая губы, Агата с досадой спрашивала себя, почему ей всегда не везет. Казалось бы, она поступила абсолютно правильно, согласившись отдать Венец Церковным Властям... А заодно и отомстить покойному барону за украденную у нее молодость, за первые влюбленности, которые могли бы быть, останься она просто Агатой... за вечное томительное беспокойство и обиду на несправедливую судьбу, в роли которой выступил сам господин де Павилионэ. Девушка искренне хотела отомстить ему, - ему, но никак не его сыну.

И вот теперь появляется очередной родственник барона де Павилионэ, на сей раз - кузен Августа.

-Как же я устала... - глухо пробормотала девушка. В эту ночь она так и не уснула.

Х Х Х

-Желаю Вам всего хорошего, - хмуро сказал Газор, не глядя на Агату. Он стоял на берегу моря и в задумчивости выводил носком сапога какие-то иероглифы на влажном песке.

-Вы уезжаете без Венца? – помедлив, спросила девушка. Газор замер в напряженном удивлении.

-Ну... - осторожно проговорил он, взглянув на нее. – Вы мне ясно объяснили свою позицию.

-Я ничего не объяснила, - пожала плечами Агата, глядя на серебристые блики на поверхности моря. На Газора ей смотреть отчего-то не хотелось, на душе появилось какое-то тягостное, тяжелое чувство...

-И... каково Ваше решение? – в одно мгновение осипшим голосом спросил Газор. Он-то теперь смотрел прямо на нее, чуть нахмурившись и напряженно сжимая эфес шпаги, как будто ему предстояло отвоевывать Венец в бою.

Пару мгновений, показавшихся Газору вечностью, Агата молчала. Потом, вздохнув, перевела взгляд с моря на своего собеседника, и устало ответила:

-Я прикажу слугам принести ларец.

Газор не без страха рассматривал Агату, боясь поверить услышанному – слишком горьким и болезненным окажется разочарование. Наверное, он что-нибудь неправильно понял... Почему вдруг она так кардинально изменила свое решение?

-Вот только скажите... - продолжила тем временем Агата. – Этот... Венец... он действительно так важен? Почему?

-Да, важен, - твердо ответил он. – А вот почему...

Газор в растерянности пожал плечами. Он и сам порою задавался подобными вопросами.

-Это отчасти суеверие... Дань традициям, прошлому... Примета... Народ привык, что Венец находится у Хранителя, верного Императору. Считается, что этот обруч благословен самим Аххедимусом. Не знаю... Может, и правда.

Агата поежилась – не от холода, скорее от безысходности.

-Я прикажу принести ларец, - сухо произнесла она и, развернувшись, бросила через плечо: - Подождите здесь.

«Да уж подожду...» - все еще не до конца поверив в неожиданную удачу, с легкой усмешкой подумал Газор.

Х Х Х

Ларец оказался довольно большим и очень тяжелым. «Странно, почему? Обруч не должен особенно много весить...» - пронеслась рассеянная мысль, пока Газор дрожащей рукой водил по неровной поверхности ларца, инкрустированного бледно-розовыми и прозрачно-серыми камнями и украшенного затейливой вязью иероглифов. Ларец был заперт, и ключ на тонкой золотой цепочке теперь висел под одеждой Газора.

-Спасибо Вам... - хрипло выговорил Газор. Благодарить за то, что и так принадлежало ему (в конце концов, он – племянник барона!) казалось нелепым, и все-таки он поблагодарил. Поднял взгляд на Агату, сглотнул и с трудом выдавил из себя: - Вы... сделали действительно доброе дело.

Агата с сомнением пожала плечами, ничего не ответив.

-Да, да! – нервно подтвердил он. – И знаете...Хоть я и не понимаю, причин Вашего поступка...

«И не поймете» - с издевкой подумала Агата.

-Все равно... Вот... - он снял с шеи какую-то цепочку, и девушке в первое мгновение показалось, будто он собирается вернуть ей ключ (от этой мысли она даже испытала облегчение). Однако, присмотревшись, Агата различила, что это всего лишь кулон. Небольшой кулон в форме черной кошки... Газор протянул ей украшение, и она с любопытством взглянула на странную вещицу.

-Что это?

-Талисман, - пояснил Газор с воодушевлением. – От бабки остался.

-А я тут при чем? – растерялась Агата, подняв на собеседника удивленный взгляд. Отчего-то ей стало неудобно.

-Это годится только женщинам, - пожал плечами Газор. – Я просто искал подходящую.

«Заберите это, мне не нужны талисманы!» - вспыхнула в сознании отчаянная мысль, так и оставшаяся мыслью. Агата молча, заморожено разглядывала кулон, не в силах вымолвить ни слова. Черный котенок смотрел на нее хрустальными глазами, и в этом взгляде девушке чудился упрек.

Х Х Х

И снова – бессонная ночь. Непрошенные мысли... Воспоминания... На столике у кровати мерцала свеча, и в ее приглушенном свете Агата рассеянно разглядывала кулон. Красивая вещица. Август ей никаких подарков не дарил. А впрочем – какие подарки? Роман, длившийся около месяца, вряд ли особенно запомнился молодому, богатому и, к тому же, красивому мужчине. Это для нее, Агаты, те дни кажутся самыми яркими в ее, в общем-то, относительно недолгой жизни. А для него? Смешно...

Будь у Газора другой взгляд... А так чудится, будто это он, Август, стоит перед ней и просит отдать Венец. Казалось бы, она должна ненавидеть единственного сына своего покойного мужа, однако нет, ничего подобного она не испытывает. И не имеет значения, что на самом деле думал о ней Август. Ей хотелось верить, что он любил ее. Ведь даже перед отъездом он не стал развеивать ее иллюзии. «К сожалению, у меня дела на родине... - как будто грустно пояснял он ей в их последний вечер. – Когда-нибудь я вернусь к тебе». Конечно, он не вернулся — и не вернется. Ну и пускай.

Агата в задумчивости провела пальцами по черной крошечной фигурке, потом осторожно повесила цепочку с кулоном на шею. Ту часть кожи, которой коснулся талисман, мгновенно охватил неприятный зуд, Агата поморщилась, однако снимать украшение не стала. Кто знает, вдруг таким образом талисман подбирает «ключик» к своей новой хозяйке?

Голова чуть кружилась, и во рту было очень сухо. Странный кулончик. Очень странный. Все-таки бабка Газора была действительно ведьмой, Церковь не ошиблась.

### **Г Л А В А 3 . «Людор»**

Его настоящее имя было, разумеется, не Людор, а Леонид Серпанко. Людор – всего лишь псевдоним, и что он обозначает, «автор» и сам не знал.

Людор не был красивым в прямом смысле этого слова, скорее – интересным: высокий, худощавый, с коротко стриженными светлыми волосами, и при этом довольно длинной челкой, падающей на лоб, с густо-серыми глазами и полными выразительными губами... Одевался он обычно довольно экстравагантно, выбирая сорочки с разноцветной отделкой, асимметричные свитера, туфли на высокой платформе... Пахло от него дорогим горьковатым одеколоном, а часы лучшей марки он носил на груди, на толстом кожаном шнурке.

-Людор, Людор... - недовольно пробурчала Черный Котенок, хмуро покосившись на Сергея. – Кто он такой?

Сергей прищелкнул пальцами и с удовольствием проговорил, смакуя каждое слово:

-Художник. Поэт. Портретист. Телеведущий. Актер. А еще он пишет новеллы.

-И когда он все это успевает? – скептически осведомилась девушка.

Сергей пожал плечами.

-А кто его знает? Его картины выставляют даже за границей, и на них, кстати, есть спрос. Стихи его немного заумные, однако любители тоже находятся. Ведет ток-шоу «Все могу» - оно выходит в пятницу вечером. Говорят, рейтинг этой передачи довольно высок. Я пару раз от скуки смотрел, увлекает... Еще он снялся в нескольких неплохих фильмах. А пару лет назад вышел сборник его новелл.

-И еще он – портретист? – совсем недоверчиво спросила Черный Котенок. – Неужели он не спит по ночам?

Сергей засмеялся, явно довольный ее удивлением:

-Не знаю! Но мы сейчас идем к нему именно как к портретисту.

-А тебе не хватает моих фото? – хмыкнула девушка. – Зачем еще и портрет?

-Ну, к нему сейчас все ходят, - туманно пояснил он.

Черный Котенок брезгливо передернула плечами.

-Ага, понятно. Это МОДНО, - в ее голосе отчетливо прозвучало презрение, и отчасти – усталость.

Х Х Х

Сегодня Людор был одет относительно скромно - в потертые черные джинсы, сапоги с узкими носками и рубашку без пуговиц, которая, постоянно распахиваясь на груди, позволяла любоваться крупным циферблатом часов.

Он сам открыл дверь, услышав трель звонка, и теперь стоял на пороге, разглядывая посетителей, а заодно опытным взглядом подмечая малейшие детали.

Мужчина лет сорока, одет дорого, немного официально, однако вполне элегантно. Взгляд цепкий, настороженный, губы плотно сомкнуты, а между бровями навеки пролегла глубокая вертикальная складка. Да, видно, потрепала его жизнь...

Рядом с ним – молодая женщина, можно сказать – девушка, наверное, лет двадцати пяти. Стройняк, смотрит исподлобья, хотя глаза красивые, выразительные... Лицо круглое, а щеки пухлые и гладкие, как у младенца. Волосы слишком короткие, ей пошла бы прическа поизысканней, не эта мальчишеская стрижка.. Да и наряд, хотя и фирменный, а

все же мрачноват: наглухо застегнутая серо-стальная блузка, черный жакет и короткая юбка.

Самое же непонятное – это ощущение смутного напряжения между спутниками. Создается впечатление, будто девушка с трудом переносит своего кавалера, а тот, в свою очередь, едва сдерживается, чтобы не продемонстрировать собственное раздражение. И, тем не менее, он вполне собственнически обнимает девушку за талию, а она покорно сносит подобную вольность.

Понятно. Богатый бизнесмен со своей молоденькой любовницей...

-Я договаривался с Вами о встрече... - сухо заговорил незнакомец, и Людор, быстро кивнув, посторонился.

Девушка, придерживая рукой сумочку, первой прошла в прихожую и с любопытством огляделась. Мужчина собрался было последовать за ней, однако Людор преградил ему дорогу.

-Чей портрет вы хотите получить? – осведомился художник. Посетитель сердито сверкнул глазами:

-Разумеется, ее!

-Тогда приходите через час, - твердо произнес Людор. - Первый сеанс длится именно столько.

Мужчина, похоже, опешил. Во всяком случае, ответил он не сразу, с нескрываемым удивлением в голосе:

-Вы хотите остаться с ней наедине?

-Я всегда так работаю, - тонко улыбнулся Людор, пожимая плечами. – Только я – и клиент. Могли навести справки. А вы что, не доверяете собственной спутнице?

Несколько мгновений мужчина рассматривал его с откровенной неприязнью, потом перевел взгляд на девушку и, хмыкнув, быстро направился к лифту. Людор проводил его задумчивым взглядом, запер дверь и обернулся к клиентке, - та, вскинув голову, разглядывала причудливую роспись на потолке.

-Как мне вас называть? – вежливо поинтересовался он. Не оборачиваясь, девушка холодно отозвалась:

-Блэккет.

-Ага, от английского «black cat» - «черный кот», - кивнул он и с усмешкой закончил: - Ну, а если коротко – просто Блэки.

Х Х Х

Странная квартира... Она вызвала в душе Блэки тяжелую смутную растерянность и отчасти – испуг, ощущение собственной беспомощности...

Прихожая была просторной, с причудливо разрисованными обоями и длинным темным коридором, уводящим в недра апартаментов. Комнату, в которую проводил ее Людор, он шутливо назвал «рабочей кельей». Впрочем, войдя в нее, девушка с усмешкой подумала, что на келью данное помещение абсолютно не похоже. Скорее оно напоминало склад забытых вещей: стулья, диван, пара кресел, пуфики, ширма, кровать с балдахином... Повсюду раскиданы вышитые подушечки, разноцветные перья, какие-то немыслимые наряды, туфли, искусственные цветы...

-Это для создания декораций, - пояснил Людор, отпихнув ногой одну из подушек. - Нужно будет продумать ваш наряд, но для этого мне необходимо выслушать вас.

-В каком смысле? - искренне удивилась Блэки, у которой от разноцветья уже рябило в глазах.

-Да в обыкновенном. Вы просто расскажите мне о себе, - широко улыбнулся, обернувшись к ней, художник. - Иначе как я сумею передать ваш взгляд, улыбку? Собственно, именно этому и посвящена наша сегодняшняя встреча.

-Но что вам рассказывать? - в некотором замешательстве спросила Блэки.

-Что хотите, - весело откликнулся он и радушно добавил: - Кстати, могу предложить кофе, печенье, сигареты...

...Минут через десять они сидели друг против друга в удобных креслах, а на столике между ними дымились чашечки с кофе. Людор, закурив, остро взглянул на Блэки.

-Итак? - предложил он.

Девушка нервно потянулась к вазочке с шоколадным печеньем, избегая взгляда художника. Ну, и о чем, спрашивается, рассказывать? О первой любви? О мучительных снах? Да и вообще, с какой стати она должна открывать душу абсолютно незнакомому человеку? Вечером она устроит Сергею грандиозный скандал! Во что он ее втянул?

Она выпрямилась, собираясь высказать свое мнение о происходящем, и чуть ли не впервые по-настоящему посмотрела на художника.

Молодой... Ироничный... А во взгляде что-то смутно знакомое...

Блэки вздрогнула и вцепилась пальцами в подлокотники кресла, во рту у нее разом пересохло.

-Август? - едва слышно прошептала она.

Х Х Х

Людор, наклонившись вперед, потушил сигарету в необычной по форме пепельнице. Казалось, он старательно избегал взгляда Блэки: сначала рассеянно изучал окурки, потом принялся рассматривать гладкую поверхность стола.

-Ну? - требовательно сказала девушка. Щеки ее горели, в глазах появился лихорадочный блеск.

-Что - ну? - лениво переспросил художник, все еще не глядя на нее.

Блэки подалась вперед:

-Август... Это ты?

Людор вздохнул, откинулся в кресле и принялся старательно растирать виски.

-Не знаю, что ты хочешь от меня услышать... - наконец пожал он плечами.

-Правду! - запальчиво ответила девушка.

-А ты думаешь, я знаю правду? - насмешливо улыбнулся Людор. - Я могу передать тебе лишь мое понимание этой самой правды, но насколько оно соответствует

действительности...

Девушка судорожно вздохнула.

-Хорошо, рассказывай.

Художник рассмеялся:

-Хитрая ты. Между прочим, я первый просил тебя рассказать о себе. Вот и расскажи, а там посмотрим.

Уставившись на собственные колени, Блэки скомкала в руках кружевной полупрозрачный платок.

-Мне снятся сны, - наконец заговорила она, и голос ее звучал глухо, отстраненно. - Яркие, живые сны...

-Давно? - вопрос прозвучал как будто издалека.

-Давно, - эхом откликнулась девушка и тут же поправилась: - Вернее - пару лет. Те пару лет, которые я помню.

-Ты помнишь только последние несколько лет? - безо всякого удивления уточнил Людор.

Девушка вскинула голову, невидяще глядя перед собой.

-Да... - тихо проговорила она и вдруг посмотрела прямо на художника - с какой-то отчаянной надеждой и почти мукой. - Понимаете, эти сны - единственное, что связывает меня и мое прошлое. Мне кажется, там, в том мире я живу... жила... Первое, что я помню, это вот... - Блэки вцепилась пальцами в черный кулон, висящий поверх строгой блузки. В широко распахнутых глазах девушки плескался страх, она нервно вздохнула и продолжила: - Я не знаю, откуда взялось это украшение, просто оно есть, и мне кажется, с ним связано очень многое...

-Занятно, - Людор потянулся за пачкой сигарет, закурил. На несколько минут воцарилась тишина, потом художник заговорил вновь: - Я помню эту ведьму. Необыкновенная женщина. Знала она не так уж много, зато обладала колоссальной интуицией. Тонко чувствовала... умела угадать, как и что сделать, чтобы добиться результата... Но этот котенок - нельзя было его надевать.

Блэки, не мигая, смотрела на него, толком ничего не понимая.

-Так все-таки та женщина... Агата... Это я? - приглушенно, с каким-то благоговейным ужасом, спросила она. - А этот кулон - что-то вроде машины времени?

Людор с искренним изумлением посмотрел на девушку.

-При чем тут машина времени? - наконец сумел выговорить он. - Просто бабка изготовила себе талисман, а надевать чужие талисманы ой как опасно. Газор после ее гибели забрал его вместе с остальными вещами, которые удалось сохранить. Ему-то ничего не было, талисман настроен на женщин, а Агата, да и ты тоже, пострадала. Видишь ли, с его помощью ведьма смотрела на мир чужими глазами. Мне трудно сказать, откуда взялся у тебя этот талисман, но результат очевиден - тебе снятся обрывки чужой жизни, а собственное прошлое вообще забыто.

Девушка, опустив голову, рассматривала носки собственных туфель.

-Что ж... - наконец с горечью протянула она. - Значит, эти сны не имеют ко мне никакого отношения, как и сама Агата...

Людор хмыкнул, с рассеянным любопытством изучая ее лицо.

-Ну не совсем. Недаром же ты приняла меня за Авгюста.

Девушка в волнении вскинула голову.

-Да, действительно, почему? – с воодушевлением осведомилась она. – Вот сейчас ты на него не похож, а в тот момент...

-В тот момент я был настроен на тебя, так как собирался нарисовать твой портрет, а я всегда работаю с полной отдачей, - жестко ответил Людор. – Ну, и уловил твое настроение, по-видимому. Я-то давно уже научился смотреть на мир «другим взглядом», не пользуясь при этом талисманами.

Девушка непонимающе смотрела на него.

-Как это – другим взглядом? – почти робко поинтересовалась она, и хотя это затаенное смущение не было Блэки свойственно, оно ей шло.

-Ну, очень просто... - потянувшись за своим кофе, отозвался художник. – Однажды, очень-очень давно (это только с виду я такой молодой), я понял две вещи. Причем одна из них меня расстроила, а вторая порадовала. У меня было два пути: либо впасть в депрессию со всеми вытекающими отсюда последствиями, либо использовать на все сто процентов положительный «побочный эффект». Я выбрал второе.

Блэки тряхнула головой, словно это могло помочь разобраться в туманных пояснениях Людора.

-Ну, и что это за две вещи, которые ты понял? – осторожно осведомилась она, надеясь, что лично ей депрессия не грозит. «А впрочем, хуже, чем есть, уже не будет» - мрачно добавила Блэки про себя.

-Во-первых, я понял, что я, по сути своей, не существую.

-Это как? – изумилась Блэки. Художник почти виновато развел руками.

-А вот так! И ты не существуешь. Вообще на свете очень мало людей, которые действительно... мм... ну, осознают собственную жизнь и себя самих. Тех, кто нашел себя, если можно так выразиться. Остальные, и я в том числе (во всяком случае, в то время) просто реагируют на внешние раздражители.

-Реагируют на что? – попыталась вникнуть в сложную фразу девушка.

Людор вздохнул.

-Ну, ведут себя как лампочка. Щелкнул выключатель – ты загорелась. Еще раз щелкнул – потухла. То есть вечером ты хочешь спать, почти постоянно – есть, при виде особи противоположного пола испытываешь физическое влечение... а когда проходит определенное количество лет, ты стареешь. Ты уверен, что в сутках только 24 часа, что всего успеть нельзя, что нужно обижаться, когда тебя обижают... Ну и так далее...

-А что, в сутках не 24 часа? И можно вообще не стареть? – уточнила девушка наиболее заинтересовавшие ее аспекты.

Художник усмехнулся:

-Все можно. Вот это-то и составляет тот положительный побочный эффект, который я вознамерился использовать, чтобы не впасть в депрессию. На самом деле существует



лишь одно – Жизнь. Ну, или Бог, если хочешь. Вечность... Не знаю уж, как назвать. И мы, как послушные марионетки, тщательно изучаем окружающий нас мир, включаемся, выключаемся по приказу свыше и не думаем о том, что являемся всего лишь «глазами Вечности».

-И что тут положительного?

-А то, что мы – и есть эта Жизнь, эта Вечность! И никто нас не заставляет покорно включаться и выключаться. Рискни – попробуй взглянуть на мир «другим взглядом». Посмотри вокруг глазами богатого, если тебе так уж нужны деньги, или разглядывай окружающую действительность с точки зрения философа... В первом случае на тебя посыплются деньги, во втором – снизойдет... хм... «высшая мудрость». Я знаю, я пробовал. Я много чего успел перепробовать. Кстати, при желании ты можешь вспомнить то, чего никогда, казалось бы, не происходило с тобой – просто посмотри на мир глазами того человека, который тебя интересует. Все наши проблемы, неприятности, кажущаяся пустота и бедность – просто от нежелания измениться. Нужно всего лишь перестать реагировать и начать управлять. Следующий этап – научиться смотреть на окружающую действительность взглядом той личности, которой ты хотел бы стать. И при этом постоянно помнить, что это тоже лишь игра – иначе ты, в конце концов, опять подпадешь в зависимость от внешних раздражителей, и удача, как говорят, отвернется от тебя. Хотя на самом деле удача здесь абсолютно ни при чем, – выдохнувшись, Людор умолк, от бурной тирады у него пересохло во рту, и он сделал большой глоток остывшего кофе.

Блэки слушала, затаив дыхание, и смотрела на художника как на некое божество.

-И что, дальше ничего нет? – очень тихо спросила она, словно боясь нарушить торжественность момента.

-Где – дальше?

-Ну... после череды ролей, о которых ты сказал? Когда ты сыграешь и бедного, и богатого? Что будет потом?

Людор, вдруг как-то сникнув, неопределенно пожал плечами:

-Потом? Потом ты можешь уйти.

-Куда?

Людор хмыкнул и отвернулся.

-Не знаю, – сухо ответил он. – Поэтому и не ухожу. Но я уже почти все перепробовал в этом мире, так что... думаю, все-таки скоро уйду. Правда, тогда уже вряд ли сумею тебе что-нибудь рассказать, – в его голосе появились странные интонации, он усмехнулся и с грустной улыбкой посмотрел на девушку: – Кстати, все, что я рассказал, – вовсе не моя теория. Я вычитал ее в каких-то книгах. Просто мне понравилась идея.

Блэки медленно поднялась, пальцы ее изо всех сил сжали кулон.

-Как вы думаете... – проговорила она в задумчивости, снова переходя на «вы». – Если я сниму талисман...

-Не знаю, – пожал плечами Людор и тоже перешел на вежливо-официальное «вы». – Рискните. В любом случае вы можете все, абсолютно все, я ведь уже объяснял.

-Ладно... – тихо проговорила она, быстро расстегнула цепочку и бросила кулон на стол. Пару мгновений насмешливо разглядывала талисман, словно посмеиваясь над поверженным врагом, потом, подняв взгляд на Людора, деланно-спокойно проговорила: – Включите его в список декораций. А Сергею передайте, что я ему приснилась.

Он внимательно взглянул на нее.

-Даже так? – в его голосе звучало сомнение.

-Да, – Блэки выпрямилась. – Мне надоело смотреть на мир глазами... хм... Ладно, мне надоело смотреть на мир с ЭТОЙ точки зрения. Пора попробовать что-то другое.

-Удачи, - слабо улыбнулся художник. Казалось, бурная беседа окончательно опустошила его, зато Блэки, напротив, была воодушевлена.

-Я завтра приду за портретом, - помолчав, проговорила она.

-Во-первых, так быстро художники не работают, а во-вторых, вам вообще не нужен портрет, - устало возразил Людор.

-Зато мне нужно другое... - мягко заметила она, чуть сощурившись.

Он поморщился и сказал, не поднимая глаз от опустевшей чашки:

-Нет, не нужно. Блэки, я не Август, и не хочу смотреть на мир его глазами. Да и Вы перестаньте быть Агатой. Жизнь бесконечна, а значит, и Вы тоже. Ищите. Не закливайтесь на одной роли.

Блэки покраснела и отвернулась.

-Тогда прощайте, - бросила она как можно безразличнее и торопливо направилась к выходу.

Людор остался сидеть в кресле, продолжая разглядывать пустую чашку.

## **Э П И Л О Г**

*Я иду по улице, и солнце светит так ласково...*

*Я счастлива.*

*Я еще не знаю, кто я. Я думаю. Слушаю. Смотрю. Я выбираю...*

*Я отпускаю всех... Агата, Газор, Август, Сергей, вы все свободны. И я свободна тоже...*

*Впереди у меня – Вечность, чтобы перестать быть никем и стать собой. А потом я уйду. Сразу. Я не стану, как Людор, играть различные роли. Я устала. Как только я осознаю, что МОГУ – я уйду в то же мгновение. Уйду в неизвестность... Я не боюсь.*

*А пока я просто живу. Здесь, сейчас, в этом мире. И одно это заслуживает того, чтобы чувствовать себя счастливой...*